

Гензель и Гретель. Немецкая народная сказка

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку – Гретель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание.

И вот, под вечер, лежа в постели, стал он раздумывать, и все одолевали его разные мысли и заботы; повздыхал он и говорит жене:

– Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам–то ведь и самим есть нечего!

– А знаешь что,– отвечала жена,– давай–ка пораньше утром, только начнет светать, заведём детей в лес, в самую глухую чащу; разведём им костёр, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдём на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

– Нет, жена,– говорит дровосек,– этого я не сделаю; ведь сердце–то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

– Эх ты, простофиля! – говорит жена.– Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадем, и останется только одно – гробы сколачивать.– И она донимала его до тех пор, пока он с ней не согласился.

– А все–таки жалко мне моих бедных детей! – сказал дровосек.

Дети от голода не могли уснуть и слышали всё, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

– Видно, нам теперь пропадать придется.

– Тише, Гретель,– сказал Гензель,– не горюй, я уж что–нибудь да придумаю.

И вот когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

– Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно.– И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

– Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь–ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

– Вот это будет вам на обед; да смотрите не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник – ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился, оглянулся назад, посмотрел на избушку – так он все время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

– Гензель, чего это ты все оглядываешься да отстаёшь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

– Ах, батюшка,– ответил ему Гензель,– я всё гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне "прощай".

А мачеха и говорит:

– Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солнце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

– Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костер. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

– Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдем в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернёмся назад и возьмём вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они все время слышали стук топора и думали, что их отец где–то поблизости. Но то был стук не топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели дети так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко–крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

– Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель ее утешать:

– Погоди маленько, скоро взойдёт луна, и мы уж найдём дорогу.

Когда взошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камешка к камешку – а сверкали они, словно новые серебряные денежки, и указывали детям путь–дорогу. Они шли всю ночь напролёт, и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

– Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей,– было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– У нас опять все уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придёт. Надо бы нам от детей избавиться: давай заведём их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад,– другого выхода у нас нет.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: "Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться". Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот – плохое начало не к доброму концу – уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз; но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

– Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж бог нам как–нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был еще меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, все останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу.

– Что это ты, Гензель, все останавливаешься да оглядываешься,– сказал отец,– ступай своей дорогой.

– Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, – ответил Гензель.

– Дурень ты,– сказала мачеха,– это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель все бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей еще глубже в лес, где они ни разу еще не бывали. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

– Детки, садитесь вот тут, а устанете, так поспите маленько; а мы пойдем в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернемся сюда и возьмем вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем – ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошел, и никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они темной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

– погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот взошла луна, и дети отправились в путь–дорогу, но хлебных крошек не нашли – тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

– Мы уж как–нибудь да найдем дорогу.

Но они её не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле–еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и дети заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они остановились и заслушались ее пеньем. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом и шли, пока наконец не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят – сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

– Вот мы за нее и примемся,– сказал Гензель,– и то–то будет у нас славное угощенье! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возьмись за окошко – оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей–то тоненький голосок:

Хруп да хрум всё под окном,

Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,

Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали объедать домик.

Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от нее большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая–престарая бабка. Гензель и Гретель так ее испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

– Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды – молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблоч и орехов.

Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чувят близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

– Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Рано поутру, когда дети еще спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щечки, и пробормотала про себя: "То-то приготовлю я себе лакомое блюдо".

Она схватила Гензеля своею костлявой рукой, унесла его в хлев* и заперла там за решетчатой дверью – пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала ее, разбудила и говорит:

– Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное – вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но – что делать? – пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

– Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель все еще оставался худым. Тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не захотела.

– Эй, Гретель,– крикнула она девочке,– пошевеливайся живей, принеси-ка воды: все равно – жирен ли Гензель или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слезы ручьями по щекам!

– Господи, да помоги же ты нам! – воскликнула она.– Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

– Ну, нечего хныкать! – крикнула старуха. – Теперь тебе ничто не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котел с водой и развести огонь.

– Сначала мы испечем хлеб,– сказала старуха,– я уже истопила печь и замесила опару. – Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя.– Ну, полезай в печь,– сказала ведьма,– да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть ее заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

– Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

– Вот глупая гусыня,– сказала старуха, – смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть.– И она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнет ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

– Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

– Эти, пожалуй, будут получше наших камешков, – сказал Гензель и набил ими полные карманы.

А Гретель говорит:

– Мне тоже хочется что-нибудь принести домой.– И насыпала их полный передник.

– Ну, а теперь бежим поскорей отсюда,– сказал Гензель, – ведь нам надо еще выбраться из ведьминога леса.

Вот прошли они так часа два и набрали наконец на большое озеро.

– Не перебраться нам через него,– говорит Гензель,– нигде не видать ни тропинки, ни моста.

– Да и лодочки не видно,– ответила Гретель,– а вон плывет белая утка; если я её попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И крикнула Гретель:

Утя, моя уточка,

Подплыви к нам чуточку,

Нет дорожки, ни моста,

Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на нее Гензель и позвал сестрицу, чтоб и она села вместе с ним.

– Нет,– ответила Гретель,– уточке будет слишком тяжело; пускай перевезет она сначала тебя, а потом и меня.

Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и пошли дальше, то стал лес им всё знакомей и знакомей, и они заметили наконец издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, вскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры как отец оставил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо все вместе.

Тут и сказке конец идет,

А вон мышка бежит вперед;

Кто поймает ее, тот

Сошьет себе шапку меховую,

Да большую–пребольшую.